

ПРОЦЕСС СИНЯВСКОГО И ДАНИЭЛЯ В ДНЕВНИКАХ И РАБОЧИХ ТЕТРАДЯХ А. Т. ТВАРДОВСКОГО И А. В. ЖИГУЛИНА

В. В. Колобов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 октября 2021 г.

Аннотация: в статье анализируются дневниковые записи А. Т. Твардовского и А. В. Жигулина об одном из знаковых событий общественной жизни эпохи оттепели — судебном процессе по делу новомирского критика А. Синявского (1925–1997) и писателя Ю. Даниэля (1925–1988), обвиненных в клевете на советский строй.

Ключевые слова: Синявский, Даниэль, Твардовский, Жигулин, оттепель, история отечественной журналистики и литературы.

Abstract: the article analyzes the diary entries of A. T. Tvardovsky and A. V. Zhigulin about one of the landmark events of public life of the «thaw» era — the trial of the Novomir critic A. Sinyavsky (1925–1997) and the writer Yu. Daniel (1925–1988), accused of slandering the Soviet system.

Keywords: Sinyavsky, Daniel, Tvardovsky, Zhigulin, «thaw», history of Russian journalism and literature.

В феврале 2021 г. исполнилось ровно 55 лет с момента вынесения Верховным судом РСФСР беспрецедентного приговора по уголовному делу новомирского критика Андрея Синявского (псевдоним Абрам Терц) и писателя Юлия Даниэля (псевдоним Николай Аржак), обвиненных в написании и передаче для напечатания на Западе художественных и публицистических произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». В частности, в вину Даниэлю вменили создание повестей «Говорит Москва» и «Искушение», рассказов «Руки» и «Человек из МИНАПа». «Преступление» Синявского заключалось в написании повестей «Суд идет» и «Любимов», а также статьи «Что такое социалистический реализм» [более подробно см. 1 и 2].

Открытый судебный процесс, проходивший с 10 по 14 февраля 1966 г. в здании Московского областного суда, фактически положил начало второму периоду диссидентского движения в СССР и самоотверженным попыткам демократически настроенной интеллигенции оказать влияние на власть.

В последнем слове Синявский, приговоренный к 7 годам лишения свободы по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), и Даниэль, осужденный на 5 лет лагерей по той же статье, виновными себя не признали [2, 474–487].

Частично мы затронули данную тему в ряде предыдущих статей, в частности в статье, посвященной творческим и личным отношениям А. В. Жигулина и Б. Ш. Окуджавы [3, 105–109]. Сегодня мы продолжаем эту тему, опираясь на дневниковые записи А. Т. Твардовского [4] и А. В. Жигулина [5].

Сразу отметим: дневники и рабочие тетради А. В. Жигулина, поступившие в 2013 г. в соответствии с волей вдовы писателя И. В. Жигулиной вместе с другими материалами домашнего архива на постоянное хранение в Воронежский областной литературный музей им. И. С. Никитина, в отличие от аналогичных произведений А. Т. Твардовского, пока не опубликованы и ссылки на цитаты приводятся по рукописному тексту.

Судя по дневниковым записям, А. В. Жигулин с фигурантами уголовного дела лично знаком не был. А. Т. Твардовский мог встречаться с А. Д. Синявским в редакции «Нового мира». В редакционной статье «По случаю юбилея» Твардовский назвал его имя среди ведущих критиков журнала [6]. В «Новомирском дневнике» А. Т. Твардовского имя А. Д. Синявского упоминается более 50 раз, Ю. М. Даниэля — более 20 раз.

Дневниковые записи А. Т. Твардовского и А. В. Жигулина о «деле Синявского и Даниэля» добавляют новые штрихи в палитру красок одной из самых ярких и драматических страниц истории отечественной журналистики и литературы второй половины XX века.

Из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского: «15.IX. <1965>.

<...> Из Цензуры позвонили: снимайте статью Синявского — он арестован. Кондратович звонил Меньшутину (Меньшутин Андрей Николаевич (1923–1982) — коллега Синявского по ИМЛИ, его друг и соавтор. — В. К.): «Обыск был?» — «Был». — Все ясно. Потом уже непроверенные сведения: распространение антисоветской зарубежной литературы...» [4, т. 1, 388].

Из дневника А. В. Жигулина:

«12 февраля 1966 года, суббота.

<...> Работаю, пишу сразу три стихотворения. Читаю «Нов<ый> мир». Слушаю радио. Очень коротко говорят о процессе над А. Синявским и Ю. Даниэлем. Говорят (не по радио, а вообще), что Синявский очень одаренный человек, настоящий ученый. Буквально все знавшие его люди в один голос говорят о нем только хорошее...

Процесс считается открытым, только вряд ли на него пройти...» [Дн. № 94. С. 34–35].

На следующий день после оглашения приговора, осмысливая произошедшее, А. Т. Твардовский пишет: «15.И.66. П[ахра]. 6 ч. утра.

Семь и пять лет со строгим режимом. Накануне еще требование прокурора казалось нарочито завышенным, все ждали еще чего-то. <...> Нет, это не эмоциональный всплеск, не безоглядное раздражение против этих двух мазуриков,— это сознательная акция: припугнуть, шугануть, «подтянуть», подкрутить гайку [4, т. 1, 425–426].

Нарочито называя А. Синявского и Ю. Даниэля разными уничижительными именами, Твардовский словно пытался пустить непрошенных читателей своего дневника по ложному следу; на самом деле он явно сочувствовал опальным литераторам, переживал за их судьбы, а заодно и за судьбу журнала, за свою судьбу как редактора, ибо понимал: конец оттепели совсем близок.

Из «Рабочих тетрадей» А. Т. Твардовского:

«16.И.66. П[ахра]

Вчерашний день в редакции — от верстки Ч. Айтматова отвлек Игорь Виноградов, подробно и четко рассказавший по своим записям о последних речах подсудимых. Оба опять-таки, признавая заслуживающими наказания свои «действия» в смысле использования зарубежной трибуны, решительно (С[инявский] с безнадежностью и отчаянием, Д[аниэль] более твердо) отрицали инкриминируемый их сочинениям антисоветский смысл. Говорили о том, что суд не слышит их объяснений, не опровергает их, лишь повторяя на разные голоса одни и те же цитаты, выхваченные из контекста, несмотря на то, что они, подсудимые, уже 10 и 20 раз объясняли, что криминальные слова и выражения принадлежат персонажам, а не авторской речи, и т.д.

<...> Еще в субботу женам подсудимых было сказано, чтобы они озаботились приготовлением теплых вещей (хотя, казалось бы, суд еще не вынес приговора). 7 и 5 лет «в колониях строгого режима» предстояли в тех краях, где главное — теплые вещи. Конечно, это гуманно, что есть возможность хоть передать эти вещи, чего в былые времена не могло быть.

Да что говорить: сколько людей в те былые времена сочли бы за счастье, если бы у них была возможность быть услышанными кем-либо, кроме членов

«троек», если бы они могли видеть своих жен, знать, что они их видят и слышат.

Что говорить! Но не будем переоценивать и эту «гласность» — суд не испытывал ни малейшего воздействия этой «гласности» на ход дела (разве что поддержку своей неправоты и незаконности со стороны тех же «общественных обвинителей») и шел, не отклоняясь, к завершению постановления, к заранее известному приговору, на который не могло ничто повлиять» [4, т. 1, 427–428].

Именно в те дни, когда в Москве шел процесс по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, А. В. Жигулин написал знаменитое стихотворение «Правда».

Кто додумался правду
На части делить
И от имени правды
Неправду творить?

Это тело живое –
Не сладкий пирог,
Чтобы резать и брать
Подходящий кусок.

Только полная правда
Жива и права.
А неполная правда –
Пустые слова.

Власть изо всех сил пыталась одержать верх в важной идеологической битве: процесс подробно, но однобоко освещался на страницах «Литературной газеты» и «Известий», фрагментарно транслировался по Всесоюзному радио, обсуждался на партийных и творческих собраниях Союза писателей,— но в конечном итоге с треском проиграла...

Общественно-политическую и литературную обстановку тех дней наглядно демонстрируют записи в дневнике А. В. Жигулина:

«3 марта 1966 года, четверг.

<...> Вчера днем был в ЦДЛ на встрече с Предс<едателем> Верх<овного> суда РСФСР Л. Смирновым. Он очень интересно и подробно рассказывал о деле Синявского и Даниэля. <...> Только Михалков немного странно заключил эту встречу. Обращался к залу в таком тоне, словно перед ним сплошные клеветники и злоумышленники» [Дн. № 94. С. 55].

Секретарь правления Союза писателей СССР и первый секретарь правления Московской организации Союза писателей РСФСР С. В. Михалков, известный своей лояльностью любым властям, был одним из наиболее рьяных гонителей Синявского и Даниэля. Фрагмент из его выступления на XIX конференции Московской городской организации КПСС: «Советский суд осудил двух политических клеветников и двурушников... Как ни странно, нашлись среди наших литераторов добровольные адвокаты, выступившие на защиту пособников враждебного нам ла-

геря... Справедливости ради следует отметить, что если не считать трех-четырёх известных писательских имен, большинство подписавших эти письма ничем не прославили нашу литературу... Уместно напомнить этим литераторам, что такое гуманизм в понимании Максима Горького. Великий сын великого народа считал, что подлинный гуманизм — это воинствующий гуманизм непримиримой борьбы против лицемерия и фальши тех, кто заботится о спасении старого мира» [7].

«20 марта 1966 года, воскресенье.

<...> Вчера были с Ирой (*Жигулина Ирина Викторовна — жена и помощник А. В. Жигулина. — В. К.*) в ЦДЛ. <...> Возник невеселый разговор о предстоящих идеологических переменах. Приближается XXIII съезд, а с ним реабилитация Сталина. Правда, слова этого стараются избегать (никакой, мол, реабилитации не будет, просто следует, дескать, отдать должное заслугам Сталина, восстановить историческую справедливость), но чем эта «историческая справедливость» обернется, можно себе представить. Зажмут литературу в прочные тиски. «Да, были ошибки и т.п., но не стоит заострять на них внимание, надо смотреть в будущее». Вот главный тезис. Говорят, что Твардовский, Капица и многие другие видные представители интеллигенции написали письмо XXIII съезду против реабилитации Сталина. Это, конечно, глас вопиющего в пустыне, но все-таки приятно — люди стали смелее, честнее. Я тоже подписал бы это письмо.

Говорили немного и о процессе Синявского и Даниэля. <...> Есть люди (Евтушенко, Аксенов, В. Корнилов, Солженицын), написавшие протест по поводу процесса. Но здесь, конечно, вопрос сложнее, тоньше...

О реабилитации Сталина люди в большинстве говорят довольно спокойно, как об очередной сенсации. Мало кого это затрагивает всерьез. Для меня же этот акт может вылиться в совершенно конкретную, материальную форму. Могут зарубить книгу. (*Речь идет о рукописи книги А. В. Жигулина «Полярные цветы», которая готовилась к печати в издательстве «Советский писатель». — В. К.*) Это очень огорчает и волнует» [Дн. № 94. С. 73–75].

«23 марта 1966 года, среда.

<...> В ЦДЛ много кулуарных разговоров о письмах деятелей культуры и науки Брежневу, историков — Суслову. Это все по поводу реабилитации Сталина. Брежнев будто бы написал на письме резолюцию: «Разумно», и Суслов будто бы согласился с молодыми историками, полемизировавшими со статьей Жукова и других в «Правде». В общем, наступила «эпоха писем». Я подписал письмо большой группы писателей на имя президиума Верховного Совета СССР с просьбой освободить А. Синявского и Ю. Даниэля на поруки. В письме, в частности, говорится, что Синявский и Даниэль люди талантливые, что надо дать им возможность творчески работать и заглаживать вину. Что ж, это было бы очень гуманно» [Дн. № 94. С. 80–81].

В ответ на решение Верховного суда РСФСР группа московских писателей (К. И. Чуковский, В. Т. Шаламов, Л. А. Аннинский, П. Г. Антокольский, Б. А. Ахмадулина, В. Н. Войнович, Ю. О. Домбровский, Е. Я. Дорош, В. А. Каверин, Ю. М. Нагибин, Б. Ш. Окуджава, Н. В. Панченко, Д. С. Самойлов, В. Б. Шкловский, И. Г. Эренбург и др.) обратилась с письмом в адрес Президиума Верховного Совета СССР, Президиума Верховного Совета РСФСР и Президиума XXIII съезда КПСС, проходившего с 29 марта по 8 апреля 1966 г. в Кремле, с просьбой разрешить им взять на поруки осужденных литераторов А. Синявского и Ю. Даниэля. После долгих проволочек оно было опубликовано в «Литературной газете» и зарубежном русском журнале «Посев» [8].

Ответ подписали секретари Правления Союза писателей СССР К. А. Федин, Н. С. Тихонов, К. М. Симонов, К. В. Воронков, В. А. Смирнов, Л. С. Соболев, С. В. Михалков, А. А. Сурков.

По свидетельству А. И. Кондратовича, в ту пору заместителя главного редактора журнала «Новый мир», Твардовский категорически отказался подписать письмо Секретариата Правления СП СССР, несмотря на настойчивые уговоры приехавшего в редакцию «Нового мира» К. В. Воронкова [9].

В те дни многих удивила реакция на это письмо М. А. Шолохова, канонизированного классика советской литературы, который в своем выступлении на партийном съезде выразил сожаление о «слишком мягком» приговоре.

В дневнике А. В. Жигулина сохранилась вырезка из «Литературной газеты» с текстом речи М. А. Шолохова. Фрагменты из его выступления:

«...Мне стыдно не за тех, кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается брать их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась. (*Продолжительные аплодисменты.*)

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев. (*Бурные аплодисменты.*)

Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь «революционным правосознанием» (*аплодисменты*), ох, не ту бы меру наказания получили бы эти оборотни! (*аплодисменты*). А тут, видите ли, еще рассуждают о суровости приговора! Мне еще хотелось бы сказать и буржуазным защитникам пасквилянтов: не беспокойтесь за сохранность у нас критики. Критику мы поддерживаем и развиваем, она остро звучит и на нынешнем нашем съезде. Но клевета — не критика, а грязь из лужи — не краски из палитры художника! (*Продолжительные аплодисменты*)» [10].

По этому поводу А. В. Жигулин, стараясь соблюсти нормы политеса, пишет:

«2 апреля 1966 года, суббота.

С трибуны съезда прозвучал ответ и на некоторые другие письма писателей. В частности, на письмо с просьбой освободить Синявского и Даниэля на поруки. Это письмо и я подписал. Да... пристыдил нас Михаил Александрович... И главное: «вдвойне». А я не вижу причин для стыда. Ведь просить выдать на поруки — вовсе не значит защищать. Наоборот, в письме ясно было сказано, что Синявский и Даниэль виноваты. Разве это стыдно просить о снисхождении, о смягчении участи осужденных? Ведь даже убийц порою милуют. Так что в вопросе о взятии на поруки Шолохов загнул» [Дн. № 94. С. 86–88].

Под давлением партийных и литературных чиновников Жигулин был вынужден отказать от подписи под письмом в защиту Синявского и Даниэля, о чем сожалел всю дальнейшую жизнь.

С одним из партийных деятелей — инструктором отдела культуры ЦК КПСС Л. И. Лавлинским Жигулин находился в приятельских отношениях.

В архиве А. В. Жигулина сохранился черновик письма в ЦК КПСС: «Прошу считать недействительной мою подпись под письмом группы писателей о взятии на поруки Синявского и Даниэля. Ознакомившись с материалами XXIII съезда КПСС, еще раз взвесив свой поступок, я понял, что не имел никакого морального права подписывать подобный документ.

Член КПСС, член Союза писателей СССР
Анатолий Жигулин.

6 мая 1966 года» [Дн. № 95. С. 77].

О развитии драматической ситуации, связанной с «письмом 62-х», свидетельствуют дальнейшие записи в дневнике А. В. Жигулина:

«11 мая 1966 года, среда.

<...> Пришла телеграмма от Тельпугова (*Тельпугов Виктор Петрович (1917–1999) — парторг Московского горкома КПСС в Московской писательской организации СП РСФСР. — В. К.*). Потом вклею ее сюда. Это, видимо, связано с письмом о Даниэле и Синявском. Видно, хотят, чтобы я выступил нынче на партсобрании. Терзают до конца. Зря я влез в эту пошлую историю. Сейчас еду на собрание. Выступать не буду. Или выступлю не так, как они хотят. Скажу, что письмо о взятии на поруки было правильным. А я отказался потому, что просто я слабый, измученный страхом человек. Подписал письмо — плохо. Отказался — еще хуже... И вообще — нельзя писателей судить и сажать в тюрьму. Это плохо, пошло...» [Дн. № 96. С. 3–4].

«25 мая 1966 года, среда.

<...> В 16.00 было партбюро. Было сносно, но пошловато. Б. Окуджава говорил о мотивах, по которым он подписал письмо, хорошо. Я сказал, что присоединяюсь к Булату. Мотивы те же, с тою лишь разницей, что я сам сидел пять лет в лагере, знаю, как это плохо. Литература — особая сфера деятельности человека, и тут нельзя рубить с плеча, карать жестоко. Ведь и в 49-м году (я так сказал) меня, например, арестовали, в частности, за стихи. Но оказалось, что в них

не было состава преступления» [Дн. № 96. С. 59–60].
«2 июня 1966 года, четверг.

Вечер. Вчера получил весьма суровое письмо-выписку из постановления секретариата правления Моск<овского> отд<еления> СП... Постановление на тему уже избитую — о письме 63-х писателей в защиту Синявского и Даниэля. Гм... Я думал, что дело уже утихло, но — увы! — волны еще расходятся кругами, как от камня, брошенного в реку» [Дн. № 96. С. 73–74].

«3 января 1967 года, вторник.

<...> Утром... поехал в ЦК. Лавлинский встретил меня дружелюбно. <...> Говорили немного о литературе. Лавлинский прямо сказал мне, что сейчас строго запрещено даже всякое упоминание о культуре, лагерях и тому подобном. Тема, дескать, стала модной и т.д.

Я сказал, что это вовсе не мода, а совершенно естественный, закономерный процесс выхода, отражения в литературе многолетней народной боли, трагедии.

— Может быть, не спорю, — ответил Леонард. — Но надо этот процесс регулировать.

...Да. Побеседовал я, стало быть, с одним из регулировщиков советской литературы и поехал домой» [Дн. № 99. С. 14–16].

Считается, что именно после трех центральных событий — судебного процесса по делу А. Синявского и Ю. Даниэля, подавления Пражской весны и разгона редакции «Нового мира» А. Т. Твардовского — оттепель в стране закончилась и началась новая историческая эпоха.

Эпоха железного занавеса и застоя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля / Сост. А. Гинзбург. — Франкфурт-на-Майне, 1967. — 411 с.
2. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля: сб. ст. / сост. Е. М. Великанова. — М.: Книга, 1989. — 528 с.
3. Колобов В. В. А. В. Жигулин и Б. Ш. Окуджава: творческие и биографические связи (по материалам дневника писателя) / В. В. Колобов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. — 2021. — № 1. — С. 105–109.
4. Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. / А. Т. Твардовский // Т. 1: 1961–1966. М., 2009; Т. 2: 1967–1970. — М., 2009.
5. Жигулин А. В. Дневники и рабочие тетради (1954–2000) / А. В. Жигулин // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.
6. Твардовский А. По случаю юбилея / А. Твардовский // Новый мир. — 1965. — № 1. — С. 3–18.
7. Лит. газета. — 1966. — 7 марта.
8. Письмо 62 литераторов Москвы в защиту Даниэля и Синявского // Посев. — 1966. — № 45. — 4 нояб.; Лит. газета. — 1966. — 19 нояб.

9. Кондратович А. И. Новомирский дневник, 1967–1970 / А. И. Кондратович. — М.: Собрание, 2011. — 950 с.

10. Речь товарища Шолохова М. А. // Лит. газета. — 1966. — 2 апр.

*Воронежский государственный университет
Колобов В. В., доктор филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: vvkolobov2015@yandex.ru*

*Voronezh State University
Kolobov V. V., Doctor of Philology, Associate Professor of the
Public Relations, Advertising and Design Department
E-mail: kolobov2015@yandex.ru*